

В Москве тогда орудовала шайка бандитов

— Минувший год со времени сентябрьско-октябрьских событий 93-го. Изменилась ли в чем-то существенном ваша оценка этих событий?

— Нет, не изменилась. Больше того, этим годом она в полной мере подтвердилась. Давайте вспомним, какие утверждения мы слышали сразу после этих событий. Первое: президент введет авторитарный режим, ликвидирует демократию и свободу. Год прошел. Пресса свободна. Режим — демократический. Настолько демократический, что подчас кажется киселеобразным. Люди, виновные в массовых беспорядках, в смерти других людей, — на свободе. Второе: утверждалось, что люди, защищавшие позиции депутатского съезда, отстаивали демократию в России. У меня нет никаких сомнений, что никакой демократии в нашей стране не было бы, если бы 3–4 октября исход был иным, чем он был на самом деле. Двоевластие в России всегда кончалось плохо. Даже двоевластие, которое образовалось в конце первой четверти XIX века, — Николай и Константин. Но на этот раз удалось развязать узел двоевластия, туго завязанный еще в 1991 году, без большой гражданской войны и страшных бед.

— Хасбулатов, Руцкой и их единомышленники действовали прямолинейно, торгово, бескомпромиссно, и это в конце концов привело к столкновению. Но все ли сделали президент и правительство, чтобы предотвратить это столкновение?

— Президент бесконечное число раз предлагал различные компромиссы. В результате одного из них я ушел в отставку. Впрочем, я одобрял и одобряю этот компромисс. Противоположная сторона, напротив, категорически отказывалась от любых соглашений. Везде, где только можно, президентская сторона нажимала на тормоз, а сторона, ориентирующаяся на Хасбулатова и большинство Верховного Совета, нажимала на газ. Абсолютно

О событиях 3–4 октября 1993 года с обозревателем “ЛГ” беседует председатель политсовета партии “Демократический выбор России” депутат Госдумы Егор ГАЙДАР

очевидно, что президентская сторона сделала все, что могла, для того чтобы развязать конституционный кризис. VII съезд, VIII съезд... Президентская сторона, без всякого сомнения, пыталась найти мирное решение, предлагала пойти на выборы... Противоположная же сторона всегда придерживалась другой стратегии — пролить кровь.

— Значит, вы все-таки считаете, что они сознательно держали курс на кровопролитие? Ведь в лобовой атаке как бывает: тот, кто ее ведет, надеется, что в последний момент нервы у противника не выдержат и он увернет в сторону.

— Абсолютно убежден, что они сознательно шли на кровопролитие. Как рассуждала президентская сторона? Мы не предпринимаем никаких силовых действий — мы приостанавливаем работу съезда и как можно быстрее начинаем подготовку к выборам. Если эта работа пойдет, если стабильность в стране будет сохранена — а все именно к тому шло, — то депутаты не усидят у себя в Белом доме, не усидят в своих квартирах, а бросятся в регионы выступать и баллотироваться. Вот была ставка президентской стороны, как я ее понимаю. Ставка же большинства депутатов оказалась другой: нет, не пойдем на выборы... Это можно четко проследить по документам, по материалам съездов. Как только возникает вопрос об одновременных выборах президента и депутатов, Хасбулатов уходит от этого вопроса: нет, вот этого не надо... А если не выборы, то какой другой выход? Дестабили-

зировать ситуацию! Президенту нужны стабильность и выборы, Хасбулатову, Руцкому — нестабильность, кровь и эскалация насилия. Вот какова была базовая ситуация на 21 сентября.

— Одним из самых драматических моментов в событиях 3–4 октября было ваше выступление по телевидению поздним вечером третьего числа, когда вы призвали москвичей выйти на улицу, собраться перед Моссоветом. Вы сказали, что правительство, силовые министерства не могут гарантировать, что ситуация будет удержана под контролем (точные слова я уже не помню, но смысл их был таков). Хорошо помню собственное впечатление от этого выступления: “Да, видно, плохи дела!” Что конкретно побудило вас выступить с этим обращением?

— Побудили несколько обстоятельств. Первое — абсолютно четкое ощущение утраты инициативы, ощущение, что власть могут захватить люди безответственные и преступные. Захват мэрии... Бегство милиции оттуда... Опустевший город... Полное отсутствие милиции... Уже теперь известное предательство в руководстве внутренними войсками... Я имею в виду командира бригады, который должен был оборонять “Останкино” и бежал оттуда. Неподход войск туда, куда они должны были подойти... Помните, как президент описывает в своих мемуарах эту ситуацию: ему говорят, что войска должны уже прибыть, он звонит начальнику ГАИ и выясняет, что они и близко не подходили. Вот всю эту картину я довольно хорошо видел. Конечно, не

надо бросать камень во всех. Честь и хвала “Витязю”, который отстоял “Останкино”. Но ясно: первое — что милиция в значительной своей части деморализована и не владеет ситуацией. Второе — военные еще не решили, будут ли они принимать участие в столкновении на чьей-либо стороне. И третье — ясно, что в городе орудут хорошо вооруженная банда, собирающаяся захватить власть. Как известно, хорошо вооруженная банда один раз власть в России уже захватила. И очень надолго. Меня всегда поражало, с какой легкостью эту власть им отдали. Все думали, что кто-то защитит страну вместо них. Генерал Корнилов, генерал Краснов... Кто угодно, только не они сами. Ведь одних офицеров в Петербурге было несколько десятков тысяч... Поэтому у меня в тот момент возникло твердое убеждение: мы не можем отдать власть просто так; мы должны сделать все для того, чтобы ее отстоять; если плохо работают силовые структуры, надо не впадать в истерику, а постараться мобилизовать силы поддержки, показать, что президент не изолирован, не одинок. Ведь для армии одно дело, когда происходит народное восстание и ее, армию, призывают это восстание подавить и совсем другое — когда действует шайка бандитов и народ просит армию прийти ему на помощь. Вот это было первое — надо было показать, что у нас есть народная поддержка. Второе: я был абсолютно убежден, что в крайнем случае нам придется раздать людям — в первую очередь, конечно, демократическим дружинам, тем, кто в свое время защищал Белый дом; — оружие и при необходимости отстаивать демократию с оружием в руках. И поэтому дал соответствующее распоряжение — приготовиться к раздаче оружия.

Окончание на 10-й стр.

Окончание. Начало на 1-й стр.

— Раздавать оружие должны были у Моссовета?

— Да, у Моссовета. Со склада гражданской обороны. Это было тяжелое решение, но я готов был на это пойти, если бы возникла необходимость. Во мне бы ничто не дрогнуло. Разумеется, перед этим я поговорил и с президентом, и с Черномырдиным, и с Ериным, и с Кокوشيным... И позвонил Шойгу Сергею Кужугетовичу, председателю ГКЧС, выяснил ситуацию с оружием — оно в его ведении находится — и приказал быть готовым выполнить поручение правительства раздать тысячу автоматов с боезапасом.

— Вы считаете, тысячи автоматов хватило бы?

— Можно было бы раздать и больше, если бы возникла такая необходимость. Но по той ситуации, которая складывалась, абсолютно убежден, что у нас уже были достаточные силы.

И вот когда мы собрали этих людей перед Моссоветом — 10–15 тысяч, причем народ все прибывал, — ситуация стала внутренней иной. Уже не было такого вакуума: все сидят и думают — в Министерстве обороны, в МВД, — а погромщики действуют... Ситуация стала принципиально другой; в самом крайнем случае, если никто не придет нам на помощь, мы просто раздадим людям оружие и все равно задавим мятежников. Это будет страшно, это, конечно, будет стоить огромной крови, но это все-таки лучше, чем отдать им власть. После этого — примерно с полуночи — вопрос стоял уже не о том, спасет нас армия или не спасет, защитит она власть или нет, а о том, с какой кровью удастся ликвидировать мятеж, придется ли это делать гражданским людям, а военные будут смотреть...

— Вы говорите, кто-то предал, кто-то сбежал, кто-то сидел и думал... Это все отдельные куски мозаики. Но остается неясной общая картина. Остаются необъяснимыми являющиеся, противоречивые, непоследовательные действия московской милиции 3–4 октября, а также позже, когда имели место массовые избиения милицией ни в чем не повинных граждан. Почему органы госбезопасности допустили проникновение в Москву вооруженных боевиков из других регионов — эти боевики участвовали в погромах, в событиях у мэрии, «Останкина», Белого дома? Почему так медленно, нехотя, с таким опозданием вводились в столицу войска? Почему были допущены толпы зевак к месту боя возле ВС — многие из них погибли, были ранены? И при этом Ерину — звезда героя, награды и поощрения другим чинам милиции, армии, госбезопасности. Можно ли сейчас сказать обо всем этом что-то дополнительное, не сказанное ранее?

— Конечно, из мозаики складывается и общая картина. Честно говоря, она сложилась у меня не сейчас, по прошествии года, а накануне принятия указа от 21 сентября. В чем здесь была страшная проблема? К тому моменту Ельцин действительно в полной мере исчерпал лимит компромиссов. Мы все убедились, что каждый шаг к компромиссу противоположная сторона воспринимает как сигнал к атаке. Он президент, он только что еще раз получил поддержку на референдуме, на нем ответственность, он должен что-то сделать... Выхода в конституционном поле нет. Он

должен предложить выход мирный, на основе выборов, но при этом он неизбежно выходит за рамки Конституции. Неизбежно возникает двоевластие. Но как только оно возникает, все силовые структуры начинают работать так, как будто в смазку между частями механизма подсыпали песок. Возникает вязкая ситуация: ты никогда не знаешь, какой именно приказ будет выполнен. В этот момент все хотят заболеть, сказаться в нетях, все перестает работать, горячего не оказывается, карты путаются... Мы видели это еще 19–21 августа. Перемещаются дивизии, корпуса, пе-

как один сотрудник американского посольства пытался подойти к кольцу оцепления, о том, что замечена активность двух сотрудников шведского посольства... Словом, не информация, а какое-то издевательство.

— Как вы считаете, помимо общего заклинивания механизма силовых министерств в условиях двоевластия, о чем вы говорили, велики ли были масштабы умышленного саботажа и предательства?

— Наверняка было и то, и другое. Утечка информации была. У меня такое ощущение, что у наших противников было

В Москве тогда орудовала шайка бандитов

больше информации о том, что мы делаем, чем у нас самих.

— Благодаря «картинке» CNN — танки стреляют по Белому дому — красно-коричневая пропаганда получила неоспоримые преимущества: вот, мол, какие нецивилизованные дикари, вандалы — расстреливают парламент из пушек! Будто в этом «парламенте» сидели ангелы, а не путчисты, которые на протяжении месяцев упорно, шаг за шагом шли к тому, чтобы вызвать эту бойню и вот наконец вызвали ее. Как вы считаете, какие телевизионные кадры можно было бы противопоставить этому, чтобы наилучшим образом парировать эмоционально-пропагандистское воздействие упомянутой «картинки» на тех, кто так и не разобрался в существе октябрьских событий или успел забыть об их сути?

— Мне кажется, есть несколько очень хороших кадров. Скажем, я бы очень советовал вспомнить кадр, где Рудкой на трибуне поздравляет с победой тех, кто только что прорвался через оцепление, и говорит, что теперь надо захватить мэрию и «Останкино». А после этого показать кадры боя возле «Останкина»... Смерть, кровь... Мне кажется, надо вспомнить вот это, как все начиналось третьего числа, а не мусолить все время 12 болванок, выпущенных из танков по Белому дому на следующий день, болванок, которые привели бравого воюку в состояние паники. Так, что он стал умолять прислать иностранных посланцев защитить его драгоценную жизнь. Есть и другие кадры. Когда Хасбулатов призывает идти на Кремль. Или Макашов матерными словами напутствует отправляющихся штурмовать «Останкино»... К сожалению, у нас действительно произошла страшная aberrация сознания. Люди решили пойти на кровь, пролили ее. С самого начала хотели втянуть в это дело войска. Послали других людей на смерть. Положили кучу народа в своей отвратительной авантюре. При этом никто из самых вдохновителей не пострадал. Никто не застрелился. Никто из них не сел в тюрьму. Вышли — хорошенечко, здоровенькие. Получили свои московские квартирки, о которых мечтали. И вот теперь они у нас невинные жертвы. Это все-таки поразительная aberrация демократического сознания.

— Согласны ли вы с тем изложением событий и с теми оценками, которые даны в книге Бориса Ельцина «Записки президента»?

— Там нет неправды. Нет ничего такого, что было бы описано не так, как я это видел. Это не значит, что я со всем согласен. Я не согласен с многими оценками, которые там даны, с некоторыми акцентами. Просто у меня был другой угол зрения на происходящее.

— К кому из деятелей президентско-правительственного лагеря вы имеете наибольшие претензии в связи с его действиями во время октябрьских событий?

— О деятелях промолчу. У меня претензий к институтам. Больше всего — к Министерству безопасности. Во всей этой истории оно вело себя как-то шаржированно. Вместо четкой и нужной нам информации о том, что затевают эти люди, которые хотят пролить кровь, где они собираются ее пролить, вместо этой простой, элементарной информации мы получаем интереснейшее сообщение о том,

раздо более высокого уровня стабильности, — это абсолютно очевидно. Ситуация двоевластия расшатывала все корни российской государственности, делала жизнь в стране невыносимой, непредсказуемой, не говоря уж об экономической жизни. Никакую осмысленную экономическую политику в тех условиях проводить было невозможно. Конечно, это было страшное решение. Но единственно возможное решение.

— Не кажется ли вам, что одно из негативных последствий октябрьских событий — раскол в лагере демократов, утративших общего сильного врага? Враг повержен, повода для единства вроде бы больше нет. Это размежевание и дробление продолжается и сейчас. Между тем политический противник, напротив, собирает силы, стремится объединиться, чтобы нанести удар по демократии.

— То, что демократическое движение в отсутствие общего врага имеет тенденцию дробиться, — это, к сожалению, совершенно точно. И, конечно, поражение коммунофашистов в октябре было серьезной предпосылкой к неудаче демократов на выборах 12 декабря. Но после выборов все мало-помалу стало становиться на свои места, и я очень верю, что в конце концов здравый смысл у демократов все-таки восторжествует.

— Размежевание с кем для вас огорчительнее всего — с «Дем. Россией», с Явлинским? С кем-то еще?

— С «Дем. Россией», я думаю, мы будем нормально взаимодействовать. Это ведь сложная структура. Большая ее часть нас очень активно поддерживает. Есть, конечно, часть, с которой более сложные отношения, но это, в общем, как говорится, милые бранятся — только тешатся. Конечно, мне бы очень хотелось добиться взаимодействия с Явлинским. Я думаю, что по идейным, программным соображениям оно вполне возможно. Поверьте, дистанция между нами не больше, чем между Рункиным и Зюгановым. Ну, а если это возможно, значит, надо попытаться добиться этого на практике.

— Как вы оцениваете Договор об общественном согласии? Не усматриваете ли в нем чего-то буталфорского, декларативного, ненастоящего?

— Какова ваша оценка, были ли события 21 сентября — 4 октября, несмотря на всю их трагичность, в целом благотворны для развития ситуации в России или негативные их последствия также весьма серьезны?

— Сказать, что они были благотворны, я не могу...

— Все-таки худо-бедно они разрешили кризис. Представьте себе, если бы прошлогднее противостояние продолжалось бы до сих пор...

— Ну что вы! Страну будоражили митинги, злобные митинги... А сейчас что-то их особенно не видно. То, что мы сохранили демократию и вместе с тем достигли го-

— Как вам сказать... Вы помните, что это была не наша идея. Мы к ней отнеслись без всякого энтузиазма. С этой инициативой выступило много народу. В нее упаковали амнистию — решение, прямо скажем, на мой взгляд, странноватое. Но раз уж эта идея возникла и раз уж за нее все равно было проголосовано, мы не сочли для себя возможным выступить против Договора об общественном согласии. Конечно, в нем много из того, что можно описать словами «лучше быть здоровым и богатым, чем бедным и больным». Но ведь действительно здоровым и богатым быть лучше.

— Как вы оцениваете возникшие в последнее время разговоры о предстоящем будто бы образовании коалиционного правительства — с предоставлением в нем мест оппозиции, — об уходе Черномырдина в отставку?

— Мы против того, чтобы правительство сейчас уходило в отставку. У нас много несогласий с нынешним кабинетом. Очень много. Но это ведь и есть, по сути, коалиционное правительство. В нем представлены различные политические силы, причем очень разные: есть представители либералов, есть — аграрно-коммунистического блока. И поэтому в разных областях оно проводит разную политику. И поэтому ему трудно проводить системную политику. Все это есть. И, конечно, это создает проблемы, экономические проблемы. Но надо быть реалистом: нынешнее правительство отражает политическую реальность, как она сложилась после выборов 12 декабря. Изменение в составе этого правительства, его реорганизация не может, на мой взгляд, устранить фундаментальные проблемы, связанные с отсутствием политической силы, достаточной для того, чтобы поддержать устойчивую осмысленную прорепорформистскую политику. А если этого нет, то от перемены мест слагаемых сумма не изменится. А вот нестабильности будет больше.

— При каких обстоятельствах сейчас могут произойти события, аналогичные тем, которые случились в октябре прошлого года? И какова вероятность такого поворота дел?

— Думаю, что невелика. Конечно, оппозиция будет пытаться дестабилизировать ситуацию. В этом у меня нет никаких сомнений. Но не думаю, что это будет эффективно. Во-первых, сейчас нет двоевластия. Это главное. Нарыв ликвидирован. И второе — нет реальной массовой политической базы. Найти хотя бы десятки тысяч людей, которые хотят баррикад, сегодня невозможно. Я уж не говорю о том, что их не хотят десятки миллионов.

— А вот если, не дай Бог, что-то случится с президентом?

— До сих пор я никогда не отвечал на вопросы, заданные в сослагательном наклонении. Не хотел бы и сейчас отступать от этого принципа.

— И последний вопрос — не относящийся к нашей теме: как вы оцениваете решение суда, который удовлетворил иск Жириновского к «Известиям» и к вам как автору статьи «Ставка на негодяев», где вы назвали этого джентльмена фашистом?

— Оно меня удивило. И мы, естественно, будем подавать апелляцию в кассационную инстанцию.